

Валентин Пикуль

Псы господни

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Псы господни / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,

ISBN 5-17-030070-0

Россия, истерзанная безумным Иваном Грозным, измученная опричниной
Испания, выжженная кострами инквизиции – опоры трона Филиппа
II Страшное время религиозной истерии и болезненного распутства,
бесконечных войн, казней.

ISBN 5-17-030070-0

© Пикуль В. С.
© ВЕЧЕ

Содержание

Книга первая	11
Пролог	11
1. Моя любовь – моя Европа	17
2. Дорога в Московию	22
3. Последние из ягеллонов	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валентин Саввич Пикуль

Псы господни

Такой заголовок дал автор своему роману, начало работы над которым относится к концу 1980 года. Свеча жизни писателя догорела раньше, чем он поставил в нем последнюю точку. Вот и лежит сейчас передо мной извлеченная из архива рукопись незавершенного романа Валентина Пикуля.

Разбираю многочисленные бумаги с материалами, относящимися к роману, среди которых заметки, цитаты, «почасовик», программы (минимум и максимум), обширная библиография, десяток портретов. Почти везде будущее произведение значится под этим названием. Сама рукопись – более двухсот страниц уже отпечатанной и правленной Валентином Саввичем первой книги.

Особо следует остановиться на «почасовике» – так называл Валентин Саввич составляемый им на каждое новое произведение рабочий план, из которого было ясно, какие события происходили в тот или иной год и даже день, с кем встречался герой и о чем они говорили, где можно прочитать об этом событии или герое. Просмотрев «почасовик», можно иметь довольно полное представление о содержании книги. Именно создание «почасовика» требовало огромного многолетнего труда, знаний, таланта. А сам процесс написания книги по подробному «почасовику» был для Пикуля, как говорится, делом техники.

Роман шел трудно, с большим физическим и нервным напряжением. На протяжении десяти лет жизни Пикуль трижды возвращался к этой теме, интересовавшей его не только как писателя, но и как историка-исследователя, заставляя много анализировать, сопоставлять с современностью, чтобы дать ответ на постоянно мучившие его вопросы: кто такие иезуиты, откуда и с чем пришли к нам, какую роль сыграли в истории нашего Отечества и Западной Европы. Рассыпать на мелкие камешки, удобные для рассмотрения, такую огромнейшую глыбу «за один присест» Пикулю оказалось не по силам.

Кроме того, Валентин Саввич всегда был полон планов и замыслов. Траектория полета его мыслей была непредсказуема. Когда работа над одним романом подходила к концу или он уставал жить в описываемой эпохе, у него в голове уже созревал другой роман, о котором Пикуль говорил вначале осторожно, исподволь, а потом все более отчетливо, настойчиво. Начинал собирать литературу и с упоением брался за освоение очередной темы. Но... вдруг высвечивалась новая идея, казавшаяся более грандиозной, и уже изученное, продуманное и осмысленное откладывалось в сторону – на время.

На первом этапе работы писатель пытался выяснить первопричину зарождения ордена иезуитов, стремясь докопаться до самой сути, однако при изучении первоисточников он столкнулся со многими неизвестными явлениями, объяснения которых не только не проливали свет, а напротив, – были, по мнению Пикуля, искусной попыткой завуалировать истину.

Здесь считаю уместным дать небольшую справку об иезуитах, наподобие той, что в самом начале давал мне Пикуль, «вводя меня в курс».

Быстрое распространение протестантизма по государствам Европы вызвало соответствующую реакцию со стороны католической церкви. Как противодействие, препятствующее распространению нового религиозного течения, явилось рождение целого католического учреждения – ордена иезуитов.

Испанский дворянин, происходивший из самого древнейшего аристократического рода, Игнатий Лойола стал основателем иезуитского ордена.

В 1540 году папа Павел III утвердил устав нового монашеского общества под названием Общества Иисуса (Societas Jesu), хотя само название членов общества иезуитов вошло в обиход уже после смерти Игнатия Лойолы.

Иезуиты получили от папы огромные права: всюду проповедовали свои идеи, совершали богослужения, исповедовали кающихся и давали обряд причащения.

В XVI–XVII веках иезуитов можно было видеть повсюду – в Европе, Азии, Латинской Америке. Часто они заседали в кабинетах государей и были их духовниками. Постепенно они завладели сердцами юношества и стали их духовными учителями. Но где бы иезуиты ни находились, чем бы они ни занимались, у них всегда была высшая цель, которой они добивались любыми средствами, – спасение католической церкви.

Орден Игнатия Лойолы за четыре с половиной века своего существования был завязан в самых запутанных узлах политики Ватикана. Ныне орден переживает трудные времена. До недавних пор в рядах иезуитов насчитывалось 26 тысяч человек, и их количество уменьшается. В настоящее время 29-й генерал ордена, голландец по национальности, Петер-Ханс Кольенбах избран на этот высокий пост в сентябре 1983 года.

Заканчивая небольшую справку об иезуитах, хочется сказать: «став рабами собственного заблуждения, они остаются верными ему до конца».

Постоянные ночные раздумья над рукописью, каждый вновь открытый источник информации в преломлении к дню сегодняшнему постепенно меняли некоторые версии его взгляда на то или иное событие и на все произведение в целом, что нашло отражение в многочисленных поправках и исправлениях на полях.

В этом читатель может сам воочию убедиться, взглянув на публикуемые здесь фотокопии титульных листов рукописи, к разговору о которых мы еще вернемся.

Своеобразным толчком к написанию романа об иезуитах явилась, несомненно, публикация в журнале «Наш современник» за 1979 год урезанной «Нечистой силы» под названием «У последней черты».

Валентин Саввич мог предполагать, что данное произведение вызовет определенный резонанс, но чтобы до такой степени, как оказалось в реальности, – такого он не ожидал: сначала в бой пошла «тяжелая артиллерия» в лице Сулова и Зимянина, а вслед за ними на Пикуля ополчилась всегда готовая выполнить команду хозяев пресса.

Возникло далекое от джентльменских принципов единоборство: с одной стороны писатель-одиночка, а с другой – целая армия критиков, интерпретирующих все события только с позиций «разрешенного» мировоззрения, что неизменно делало необходимым привлечение в помощники «госпожи фальсификации».

Да и многие собратья по перу открыто и откровенно издевались над писателем, не имевшим не только диплома, но и аттестата зрелости – он для них был «белой вороной».

Отношение к Пикулью и его творчеству резко изменилось. Но сам автор был уверен в правоте своего дела и ни на какие компромиссы с совестью не шел, не сдавался, отстаивал свои взгляды.

Второй немаловажной причиной, толкнувшей Валентина Саввича к этой теме, были «белые пятна» нашей истории. Проникновение иезуитов в Россию представлялось Валентину Саввичу именно таким «пятном».

В обстановке окриков сверху, под постоянным давлением прессы Пикуль чувствовал себя весьма неуютно. На душе было гадко и беспокойно.

«Псы господни». Да такое не напечатают только из-за названия.

Отступив на некоторое время от политической борьбы, изменив на время тактику, Валентин Саввич сел и написал сентиментальный роман «Три возраста Окини-сан», заканчивая который он уже вынашивал идею окунуться в эпоху Ивана Грозного. Все чаще у него возникало желание уйти подальше от действительности, зарыться в глубь веков – именно там Пикуль чувствовал себя спокойно.

– Сейчас хочу взяться за трудный и очень сложный период отечественной истории, который мало отражен в нашей художественной и исторической литературе, – поведал он мне.

– Куда же теперь держишь путь и кто будет твоим кумиром?

– Моими героями будут иезуиты и опричники. Место действия – Европа, а время – средние века. Посмотри, что есть об иезуитах в том периоде у тебя в библиотеке.

Из отобранных мною восьми книг и продиктованных по телефону, Валентин Саввич попросил принести только пять:

Григулевич И. Крест и меч.

Тонди А. Иезуиты.

Ватикан в прошлом и настоящем.

Инфессура. Дневники.

Михневич Д. Очерки из истории католической реакции (иезуиты).

Смотрю запись в дневнике тех времен:

«Валентин Саввич собирает литературу по иезуитам. Были в букинистическом – ничего подходящего не нашли». 23.11.1980.

Однако пора вернуться к рукописи незавершенного романа, к его титульным листам. Тщательное исследование их представляет, по-моему, определенный интерес.

«ПСЫ ГОСПОДНИ» – печатает Валентин Пикуль на титульном листе название своего произведения и в подзаголовке указывает вид жанра – исторический роман. Вверху эпитафия: «Смерть в одном столетии дарует мне жизнь во всех веках грядущих». Джордано Бруно. (Впоследствии Пикуль ручкой допишет: «Слова перед казнью».)

Идет работа по накоплению и переосмыслению собранного в голове материала. В какой-то момент задача кажется невыполнимой, и серьезное слово «роман» заменяется на скромное – «рассказ», которое, в свою очередь, спустя некоторое время уступает место более оптимистичному – «повествование».

В 1982 году из глубин веков тема иезуитов вновь всплывает на поверхность творческой биографии писателя. Если в первый раз он хотел рассказать о зарождении ордена иезуитов и их проникновении сначала в Польшу, а затем в Россию, то на сей раз задача намного усложнялась. Писатель ставит перед собой задачу расширить временные, биографические и исторические рамки произведения, осветить более продолжительный отрезок времени – целый век. «Целый век» – вносит Пикуль новое название и сверху печатает равноценное по смыслу – «столетие».

По сравнению с первым, эти названия звучат более приглушенно и не так резко воздействуют на слух. Этим в некоторой степени нейтральным заголовком автор хотел завуалировать от внешнего мира содержание книги, чтобы облегчить прохождение рукописи по инстанциям, предшествующим публикации.

В 1986 году, едва оправившись от обширного инфаркта, Валентин Саввич вновь берется за свой многострадальный труд. Вернула его к этому книга Андрея Никитина «Точка зрения», которую я принесла ему из библиотеки. Вникнув в тематику книги, писатель полностью влез в нее, отрываясь только для похода на кухню за чаем.

Книга пришлась ему по душе. Читая ее, он что-то подчеркивал, часто останавливался, раздумывал.

– Талантливый писатель, хорошо знающий и превосходно чувствовавший эпоху. С его выводами я вполне согласен, – заключил он, проштудировав книгу.

Тогда и вынес автор на титульный лист цитату из этой книги: «Почему мы об этом ничего не знаем?»

А почему мы должны об этом знать?

Можно удивляться, что мы вообще что-то знаем о том времени!»

Однако в дальнейшем, в 1989 году, при очередной доработке рукописи Пикуль уберет цитату «в другую часть». Приходится только сожалеть, что приступить к другой части ему так и не удалось. Он закончил только первую книгу – «На кострах», эпиграфом к которой использовал слова из Евангелия от Матфея. На титульном листе появится и цитата Д. Неру из книги «Взгляд на всемирную историю», но самое существенное – изменение подзаголовка. Теперь жанр произведения определяется автором как историческая панорама. А это означает, что за плечами его создателя стоит нечто существенное.

Существует еще второй титульный лист, который автор завел в конце 1989 года. С первого – на него перенесены слова Д. Неру и добавлена цитата из Стефано Инфессура:

«И многое другое рассказывают, о чем я здесь пишу, потому что это, может быть, неправда, а если и правда, то этому трудно поверить».

Но самое интересное – это продолжение поисков названия своего произведения, начинающего постепенно «толстеть».

Первое – «На кострах» – зачеркивается и присваивается как название книге первой, а вместо него появляется целый набор вариантов: «Псы», «Кровь», «Жестокий роман», «Власть – жестокая вещь», «Мрак», «Во мраке крадучись».

Небезынтересно все же проследить за движением писательской мысли. К несчастью, уже остановившейся...

Несмотря на множество заголовков произведения, суть его одна – это роман об иезуитах и об опричниках Ивана Грозного.

Почти все книги Валентина Саввича связаны с современностью или написаны под непосредственным влиянием событий сегодняшнего дня. И в этом романе хорошо просматривается связь с современностью. В 80-е годы Пикуль отчетливо видел нарастающие «смуты» в нашем обществе, что не могло не беспокоить писателя. И чем глубже он проникал в эпоху Средневековья, тем больше находил он там штрихов, присущих дню сегодняшнему, тем беспрощетней и мрачней были его взгляды на нашу перестройку. Скорее всего, поэтому роман и остался незаконченным, ибо автор предчувствовал бесплодность своих попыток донести до людей свои сокровенные мысли.

– Какое, милый мой, у вас тысячелетие на дворе? – обычно спрашивала я, входя в кабинет Валентина Саввича.

И он охотно делился со мной творческими планами, с радостью делился успехами, огорчался неудачам, читал отрывки и главы уже написанного, рассказывал содержание прочитанных им книг, советовал, а иногда рекомендовал «в обязательном порядке» прочесть тот или иной источник. Изредка контурно очерчивал содержание последующих глав и книг.

На основании этой информированности, оставшихся черновиков и дневниковых записей хочу поделиться с читателями некоторыми мыслями о романе, полностью которого уже никто никогда не прочтет.

В этом произведении Валентин Пикуль использует уже примененный им в романе «Честь имею» прием. Обнаруженная рукопись на староиспанском языке приоткрывает многие тайные пружины того времени: хитросплетения политики и войн, роль религии в завоевании мира и в судьбах отдельных людей.

Куэвас – так зовут иезуита, от имени которого ведется повествование, помог автору вжиться в обстановку того далекого времени, проведя его по «тайным иезуитским тронам», чтобы вместе с ним стать свидетелем многих исторических событий.

Хотя сам процесс распространения идей иезуитов не получил в рукописи полного развития (ибо написана только треть романа), однако и по имеющимся страницам читатель вполне может составить представление о взглядах и целях ордена иезуитов.

Хотелось бы обратить внимание на одну особенность публикуемой рукописи. Разговор пойдет о сравнениях.

Много общих черт нашел автор у короля Филиппа II и Ивана Грозного: «Оба с оригинальной жестокостью не щадили людей... только один мерзавец уничтожал народ с помощью инквизиции, а другой – с помощью опричнины».

Многие слова, вложенные Пикулем в уста своих героев, произносимые из глубины XVI века, звучат потрясающе современно и даже крамольно.

А это уже обличение нашей реальности: «Многие ученые мужи зарабатывали себе научные степени, украшались значками лауреатов и орденами, получали звания академиков потому, что многие из них ценили „подвиги“ Ивана Грозного. Все продались, только один академик Веселовский назвал вещи своими именами, но его не печатали».

По замыслу автора роман должен был состоять из трех книг.

«На кострах» – первая из них. Она охватывает период с момента зарождения ордена иезуитов и до 1583 года – года рождения Валленштейна, поскольку многие страницы романа должны были рассказывать о тридцатилетней войне.

Сделаю небольшое отступление...

Сейчас мы не представляем свою жизнь без... картошки. В этой части Валентин Саввич хотел подробно поведать читателю о том, когда и каким образом появился картофель в нашей стране. Написав несколько страниц, автор понял, что рассказ о картофеле уводит его в сторону от основной идеи. Ничуть не сожалея об этом, он изъял упомянутые страницы, пообещав мне написать со временем миниатюру «Картофельные бунты» (сказал: «*О твоей любимой картошке*»).

«Смутное время» – такой заголовок дал автор второй книге романа. Заголовок немного раскрывает содержание.

В прологе к этой части Валентин Саввич, вводя читателя в повествование, планировал рассказать о разорении России, бегстве людей с насиженных мест и, наконец, появлении Ермака.

А начать книгу Пикуль хотел со смерти Ивана Грозного в 1584 году. Хронологические рамки второй книги должны были охватить период до 1613 года – знаменательного года восхождения на престол рода Романовых.

В планах и набросках третья книга имеет название «Разрушение». Продолжая хронологию предыдущей, третья книга должна была охватить период с 1613 до 1634 года – времени убийства Альбрехта Валленштейна. Здесь предусматривалось полностью осветить тридцатилетнюю войну, так мало знакомую по нашей документальной романистике.

«Исторической памяти не противопоказано воображение: важно только, чтобы оно было историческим».

Уверена, что писатель Валентин Пикуль в полной мере обладал и тем и другим.

Приходится только сожалеть, что ему не удалось осуществить задуманный план, но и по представленным главам читатель может судить о том, за какие огромные пласты истории России и Европы брался неутомимый, неутомимый, часто перегибающий палку – в том месте, где хотел ее сломать – Валентин Саввич Пикуль.

Однажды совсем неожиданно сказал:

– Роман «Псы господни» я хочу посвятить памяти Ярослава Галана.

Для меня это сообщение было весьма странным. Я даже не смогла сразу найти подходящий для такого момента вопрос, а Валентин Саввич продолжал свою мысль:

– Для меня он является образцом писателя-труженика, мне импонирует его образ жизни и мыслей, я ощущаю какое-то духовное с ним родство. Не помню, где я вычитал, что при завершении очередной своей вещи в его голове уже созрела мысль о другой. Заметь, у меня получается то же самое. И я считаю это правильным. Если писатель мыслит только об

одной теме или книжке, то это, простите, слишком «узколобо». Надо видеть и дальше, и глубже, и выше... А его смерть... Она потрясла меня. Всякое возможно, кому что на роду написано, но он умер на посту... и я мечтаю умереть с согбенной спиной за рабочим столом...

Эти слова стали пророческими.

Антонина Пикуль

Книга первая На кострах

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч;

Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

И враги человеку – домашние его.

Евангелие от Матфея.

X, 34, 35, 36

Если встретите сопротивление, то разведите такой костер, чтобы даже у ангелов загорелись ноги и чтобы звезды расплавились на небесах.

Иезуит Форер

Пролог Все дороги ведут в Рим

Его звали Иниго дон Лопец-и-Рекальдо, хотя в истории мира и человеческих отношений он вошел с кратким, но чересчур выразительным именем – Игнатий Лойола.

Бедный испанский идалго начинал карьеру в городе Аревале, будучи пажом при дворе кастильского казначея дона Веласко, и писал стихи о своих чувствах к недоступной донье Грасии де-Авила, перед красотой которой все другие женщины выглядели как осколки разбитого зеркала перед сверкающим бриллиантом. Тогда – еще молодой – Лойола рассуждал:

– Как жить без славы? Я хочу, чтобы от Лимы до Толедо восхищались мною, чтобы донья Грасия хоть раз улыбнулась мне в церкви, чтобы вся Кастилия говорила обо мне: «Ах, кто этот загадочный рыцарь? Скорее назовите нам даму его сердца...»

– Молчи, безумец! – остерегали его. – Всякое превосходство над другими приносит несчастье, и не выражай мысли слишком ясно, дабы не выглядеть грубым невеждой. Лучше говори невнятно, чтобы тебя сочли мудрецом.

Непомерное честолюбие увлекло Лойолу на войну. Ранней весной 1521 года французы вторглись в Наварру, и гарнизон Пампелуны увидел крепость в окружении костров враждебной армии. Мнение испанцев было далеко не рыцарское:

– Французов очень много. Пампелуну не удержать.

Но тут выступил Лойола. С поразительным красноречием он долго услаждал слух офицеров пылкими рассуждениями о неземном блаженстве для всех, кто вручит свое пурпурное сердце пречистой Мадонне, и заключил свою речь словами:

– Молитвами и покаянием приготовим души заранее, дабы утром встретить врагов с высокомерием, подобающим испанцам!

Тонкая заря едва высветлила небеса над сумрачными Пиренеями, когда начальник французов, еще позевывая в железную перчатку, разглядел на валу крепости испанского кавалера со шпагой и молитвенником. Он даже обрадовался ему:

– А вот и первый кастильский невежа, которому всю ночь не лежалось на соломе... Ну-ка! – велел он артиллерии. – Затолкайте в бомбарду самое тяжелое ядро – сейчас мы из этого глупца сделаем что-либо достойное удивления...

Валганг крепости, восприняв мощный удар, разрушился под Лойолой, а второе ядро раздробило ему правую ногу. С грохотом сыпались камни бастиона, шумно стекала вниз песочная лавина. Нещадно избиваемый камнями и глотая песок, Лойола низвергся с высоты – обвалом стены ему расплющило и левую ногу. Очнулся в плену. Французские врачи перевязали идальго, офицеры любезно осведомились – далек ли его дом от Пампелуны?

– Я из провинции Гвипускоа, – с гордостью отвечал Лойола, – там, высоко в горах басков, находится замок моего знатного рода «Лойола», где я и предстал на суд божий...

Узкими козьими тропами, по самому краю горных ущелий, его долго несли до нищенского замка. Лойола заметил, что правая его нога уродливо скрючилась. Хирурги решили:

– Переделывать поздно – кости уже срослись.

– Так ломайте же их! – велел Иниго...

Изуродованную ногу зажали между досок, ударами молота ее раскололи возле голени. В муках миновало лето. Но однажды, пробуя встать с постели, Лойола ужаснулся: правая нога стала короче левой, а над коленом нависла безобразная опухоль.

– Ломайте ногу еще раз, – сказал он врачам.

Его оглушили крепким вином, но Лойола все равно слышал хруст своих костей, он ощутил движение ножа, вырезавшего опухоль. Однако правая нога так и осталась короче левой.

– Вы видели старинный ворот, каким вынимают кувшины с водой из бездонного колодца? – спросил идальго врачей. – Такой же ворот поставим в спальне, и пусть он вытягивает мне ногу.

Привязав себя к кровати, он мученически наблюдал, как вращается колесо, наматывая на себя веревки, которые обхватывали искалеченную ногу. Боль, боль, боль – и ничего, кроме боли да скрипа колеса. Все эти муки Лойола выносил со стойкостью перуанского индейца. А весною просил у отца рыцарских романов – для чтения:

– Хотя бы Васко де-Лабейро – об Амадисе Гальском...

Бельтрам дон-Лойола верхом на муле объехал окрестности, но сумел раздобыть для сына лишь две книги духовного содержания. Иниго безразлично полистал ветхие страницы:

– Где же тут подвиги? Все скучно и непонятно...

Неясные миражи рыцарской славы и любви капризных красавиц Валенсии и Арагоны иногда еще ярко вспыхивали в фантазии калеки, мало-помалу угасая в бесплодном бессилии. Он все же раскрыл книгу Рудольфа Саксонца о жизни Христа, вникая в мудрость легенд, но в одну из ночей ощутил толчок, будто под ним снова обрушился валганг Пампелуны.

– Что со мною? – спросил он себя, и вдруг весь сжался в экстазе радости от сознания, что ворота к славе, до этого закрытые перед ним, эти жалкие гнилые ворота уже давно сбиты с ржавых петель. – Ведь если святой Франциск, – здраво рассуждал Лойола, – основал орден Францисканцев, а святой Доминик – доминиканскую конгрегацию, то почему же я, как и они, не волен стать вождем нового могучего ордена Римской церкви? Разве престол папы не нуждается в псах господних, которые бы изгрызли на острых клыках любую ересь?..

Призывы боевых труб заменили голоса мессы, а земные прелести недоступной Грасии де-Авила он как бы умышленно заслонил перед собой скорбною красотой Мадонны, – так возник новый идеал служения! Нет в мире историка, который бы не признал, что сила воли этого изуродованного человека была колоссальна... Но ведь нужна еще святость.

– Для этого навещу Иерусалим, – решил Лойола.

* * *

В каталонской обители Монтсеррата он оставил у алтаря свои панцири и шпагу. Его путь лежал в Барселону, где царила чума (корабли, идущие на Восток, не покидали гаваней). В доме святой Люции идальго по семь часов не поднимался с колен, трижды в сутки бичуя себя столь

безжалостно, что кровь обрызгала стены комнаты. С протянутой рукой он стоял на паперти, взывая к прохожим о милостыне. Лойола перестал мыться, он уже не стриг ногтей, длинные волосы спадали на глаза. К уродству ног прибавилась острая боль в печени и зубная боль, нестерпимая. Ему было так тяжело, что в один из дней он даже хотел выброситься из окна...

Увы, никто не замечал его святости. Свое красноречие он испытал пока на знатных дамах Барселоны, и одна из них, не выдержав укоров в беспутстве, даже упала в длительный обморок, после чего муж этой дамы избил Лойолу палкою, как худую собаку. Из этого случая последовал первый вывод: желая успеха в проповеди, никогда не утверждай, что грех наказуем, а, напротив, старайся оправдать любое прегрешение, и тогда в твоих услугах станут нуждаться многие.

Через год, истомленный жаждой и качкою, после опасного плавания в море, наполненном берберийскими пиратами, Лойола достиг Палестины, желая обращать «неверных» в христианство. Здесь его жестоко высмеял местный нунций-францисканец:

– Таких глупцов, как ты, турки сажают на кол, предварительно смазав его свиным жиром. Сходи на базар – там уже торчат подобные тебе проповедники. На солнцепеке они превратились в пергамент, а мальчишки, пробегая мимо, к великой радости торговцев, раскручивают их на кольях, вроде забавных вертушек, которые трещат на ветру барабанной шкурой...

Лойола вернулся на родину. В городе Алькала-Генарас, где размещался университет, он тайно посещал мавританские молельни, в синагогах беседовал с раввинами. Из верований, чуждых христианству, Иниго выбирал самое характерное, что полезно использовать в практике будущего Ордена (который еще не имел ни устава, ни названия). Первых прозелитов он приобрел из студентов, сам исповедовал их, сам и причащал. При этом Лойола неделями постился, истязая чахлую плоть, и без того немощную, он покрывал свое немытое тело страстными поцелуями, а потом исступленно бичевал себя слева направо, вдоль и поперек, покрываясь рубцами и кровью...

Инквизиция схватила Лойолу и бросила его в подвал!

Сначала его навестил палач с большими клещами:

– Священному трибуналу известно, что ты, заблудший в ереси, страдаешь зубами. Открой рот пошире – мы спасаем здесь не только души, но умеем облегчать и муки телесные.

С хрустом он выломал из челюсти Лойолы три гнилых зуба, а заодно и четыре здоровых. В трибунале генеральный викарий Родригес откровенно беседовал с Лойолой:

– У меня распухла тюрьма от еретиков, и мне лень заниматься чепухой, которую ты несешь от голода и несчастий, ниспосланных тебе для испытания свыше. Ты подозрителен для церкви, но виноват лишь неумеренным служением Мадонне: выделяя богородицу, не забывай и сына ее, Иисуса Сладчайшего!

А через год Лойолу снова арестовали. С калеки содрали одежду, нагишом запихнули в бочку с двумя отверстиями: через одно кормили, через другое он оправлял надобности. На столе инквизитора лежало, взятое при обыске, первое сочинение Лойолы по названию «*Ejercitia Spirituata*» (что означает «Духовные упражнения»). Инквизиторы спросили:

– О чем ты пишешь тут, несчастный?

– Я пишу о том, что каждый человек должен уметь управлять собой, а, научившись этому, он будет управлять другими...

Родригес оплевал его университетский матрикул:

– Твои успехи в науках ничтожны. Где же тебе учиться, если ты, говорят, по три дня подряд сидишь, безмолвно уставившись глазами в стенку, и что-то бормочешь.

– Ваше святейшество, но после личного общения с самой Мадонной, скажите, разве же можно познать что-либо более мудрое из профессорских нотаций? Достаточно, что я мыслю, и меня подводят ноги, но голова – никогда!

– Тебя, как петуха в навоз, тянет в ересь.

Лойола храбро защищал себя перед трибуналом:

– Если бы я выразил противоположное тому, что мною сказано, вы бы все равно нашли повод обвинить меня в ереси.

– А кто позволил тебе отпускать грехи людям?

– Если не отпущу их я, вы их никогда не отпустите.

Тут его стали избивать с криками:

– Не смей возвышать себя над святым порогом Рима!

Палач аккуратно раскалывал на огне клещи, его ученик налаживал лавку для пытки водою. Лойола не сдавался:

– Я еще буду стоять *выше Рима!* – возвестил он.

Викарий Родригес устало откинулся в кресле:

– Скажи, ты нарочно притворяешься слабоумным?

– Мое состояние, кажущееся ненормальным, вполне угодно Господу Богу. Науке же еще не открыто, как понимать дурной порядок вещей, что окружает нас... Говорить ли мне далее?

– Говори, – ободрил его викарий. – Ведь с каждым словом ты приближаешься к той куче хвороста, на которой во славу божию я превращу тебя в горсть горячего пепла...

Но трибунал, после опроса свидетелей, счел Лойолу фанатиком, помешанным на мистике, которая усилена физическими недугами, и на этом основании он был выпущен из тюрьмы. От надзора инквизиции Лойола спасался в университете Саламанки, куда увлек за собой и своих учеников. Его страстные проповеди не пошли им на пользу: трое неофитов впали в жестокую меланхолию, один повесился, пятый, заморив себя аскетизмом, превратился в скелет, а другие впали в разные непотребства. Опыт создания монашеского братства закончился ужасно: жизнерадостные саламанские студенты дважды высекли Лойолу от имени двух факультетов – теологии и философии. Публичная экзекуция сопровождалась унижительными сентенциями:

– Философам и богословам противны твои проповеди, после которых страшно пить вино и смотреть на женщин. Будь же ты облачен презрением нашим, как саваном, и да войдет проклятие, как вода, в утробу твою и, как елей, в изломанные кости твои!

Из сечения следовал второй вывод: будущий Орден не должен придерживаться аскетизма монашеского, человеку свойственно давать выход земным страстям. Но тут снова последовал донос в инквизицию на Лойолу – как на богомерзкого еретика и совратителя, а потому следовало опять спасаться.

Лойола собрал своих перепуганных адептов:

– Будьте готовы бежать – в Париж! Завтра утром...

Утром он напрасно ожидал у заставы – никто из апостолов не спешил за своим «спасителем». Лойола тронулся в путь один. В дороге он переосмыслил все свое поведение, сиюсь отыскать причину неудач. Из размышлений сложился третий правильный вывод: если хочешь иметь верных прозелитов, не ищи их среди людей, безвольно подчиняющихся твоей воле, а находи их в личностях с развитым самосознанием, и, только поборов их своим убеждением, можно рассчитывать, что они уверуют в тебя, не предавая тайнств твоих...

Игнатию Лойоле было в это время уже 37 лет!

У ворот Парижа его окликнули стражники города:

– Кто ты есть, бедный путник, и с чем идешь?

– Богослов из Саламанки, ищу мудрости в Сорбонне...

* * *

Здесь, в средоточии католической философии, Лойола распознал то, что в Испании церковь старалась утаивать. Строительство в Риме знаменитого собора Св. Петра затянулось, ибо владыкам Ватикана, утопавшим в роскоши, о какой не смели мечтать даже короли, не хва-

тало денег. Ватикан пустил в продажу индульгенции, которыми торговали по Европе бродячие капуцины.

– Эй! – вопили они на базарных площадях. – Разве кто из вас не без греха? Или ты ничего в жизни не украл или не соблазнил жену своего приятеля? Так не будь дураком, купи у меня хотя бы одну такую бумажку, дабы познать царство небесное...

Вот тогда в немецком Виттенберге появился мрачный и разгневанный Мартин Лютер с молотком в руке. На воротах церкви он гвоздями приколол свои 95 тезисов. Лютер не щадил папу, обличая его в разврате и клевете, а все духовенство Рима выставил на всеобщее поругание, как шайку разбойников. Он открыто призывал людей не верить ни единому слову Ватикана, а внимать только своей человеческой совести. Рим – по словам Лютера – никак не может служить посредником между богом и человеком.

– Вам, – убеждал он прихожан, – запрещают читать даже Библию, а вместо этого пьяные попы забивают головы всякой дурью, придуманной самим папой и его кардиналами. Отвернемся же от Рима, как от скверной падали, веря только самому Господу Богу...

С этих «тезисов» началось победное шествие Реформации по всем странам. Антипапские учения суровых вождей протестантства отвоевывали у Рима миллионы верующих, а вместе с их душами Ватикан терял и миллионы кошельков, раньше щедро для него открытых. Озабоченная этим расколом католической церкви, теперь профессура Сорбонны открыто вещала с научных кафедр:

– Лютеране уже выбежали за ограду церкви и обратно в наши храмы их не вернуть. Но их можно загнать туда огнем и мечом!

Лойола ходил с помощью двух костылей. Он резко выделялся среди сорбонских школяров – изможденный человек маленького роста (158 см), с некрасивым остреньким личиком, беззубый и рано полысевший; когда его спрашивали, отчего у него нет друзей, нет семьи и сердечных привязанностей, Лойола скромно отвечал:

– На вершинах гор всегда царит одиночество...

Неизменно пребывая в состоянии торжественного спокойствия, он проживал в атмосфере, которую сам же для себя создал и которую старательно населял призрачными галлюцинациями, управляя видениями с той же удивительной легкостью, с какой обыватели передвигают по комнатам мебель.

На этот раз он учился прилежно, и Сорбонна присвоила ему звание доктора богословских наук. Бывая на диспутах, Лойола сделал для себя еще одно умозаключение: его будущий Орден должен выступать обязательно под знаменами воинствующего католицизма, ополчась противу любой ереси – особенно лютеранской. Но теперь Лойола не спешил заманивать учеников в свои тенета. Он выискивал исключительно скептиков, достаточно познавших жизнь с ее изъянами, находил умеющих мыслить самостоятельно, и лишь немногих приближал к себе.

Однако ни с кем из своих учеников Лойола не вступал в дружбу, заранее отгородясь от них ролью вождя, отчего Франциск Ксавье однажды и заметил ему с явным упреком:

– Христос был доверительнее со своими апостолами.

– Верно! – согласился Лойола. – Но зато он и был предан Иудею за тридцать сребренников.

Монмартр в те далекие времена еще не был заселен парижанами, над ним шумел вековой лес, в гущах которого приютилась скромная капелла Св. Лионисия. Сюда, в этот лес, 15 августа 1534 года пришел Иниго Лойола и привел за собой адептов своих. Была отслужена месса, а Лойола, раздавая причастие, взял с учеников священную клятву в верности папе римскому и... лично ему – Лойоле! Затем меж ними была Тайная вечеря, а Лойола сидел, как Иисус Христос между апостолами.

Он разлил вино и разломил хлеб на куски.

– Иуды среди нас не сыщется! – возвестил он. – А все дороги ведут в Рим, дабы получить благословение папы на создание нового Ордена.

Ученики спрашивали его, как называться Ордену:

– Наверное, лучше ему называться «Игнацианским»?

– Нет, лучше ему называться «Обществом Иисуса»...

От слова Iesu (Иисус) и родилось новое слово: иезуиты.

Появляясь в Риме, первые иезуиты дежурили по ночам в госпиталях, не боясь заразных болезней, бесплатно выкапывали могилы для бедняков, открыли приют для сирот и подкидышей. Лойола открыл особую миссию для крещения иудеев, а в обители Святой Марфы щедро отпускал все грехи проституткам, желавшим выйти замуж. Своим адептам он внушал, что нужен момент:

– Когда мы станем всем для всех, дабы завоевать всех...

Папа римский Павел III (из династии Фарнезе) ознакомился с планами будущего ордена Лойолы и воскликнул:

– Какие же это монахи? Это, скорее, псы господни, которые будут беречь меня, наместника божия...

Орден иезуитов был утвержден папою в 1540 году (за несколько лет до смерти Мартина Лютера). При этом ни одна кошка в Европе не пошевелилась, но судьба миллионов людей была решена с появлением «псов господних», которые быстро разбежались по всему миру.

Что же мне, автору, остается делать?

Желая остаться искренним и достоверным в своих описаниях, наверное, я должен и сам обратиться в иезуита.

Подобно своему учителю Иниго Лойоле, я на развилке дорог между Валенсией и Каталонией, там, где презренный мавр был сожжен за оскорбление короля, отпускаю поводья своего усталого мула – пусть он сам изберет для меня дорогу.

Глупое животное, повинувшись внушениям свыше, завезло меня к воротам обители Монсеррата, и там, у священного алтаря, я увидел панцирь и шпагу, которые оставил здесь Лойола, чтобы поклоняться пречистой Мадонне...

Так я оказался в гиблом шестнадцатом столетии.

1. Моя любовь – моя Европа

Я родился под знаком единения Сатурна с Марсом, когда гороскопы указывали явное безразличие Меркурия к делам земным, отчего астрологи Бамберга и Саламанки предсказывали падение нравов и торговли, оживление плутовства и еретического чародейства. Так и случилось! Только в Валенсии сожгли сразу сорок монахинь заодно с их канониссой, которая 483 раза совокуплялась с инкубом, имевшим голову козла, получая от него невыразимое наслаждение.

Тогда же было замечено, что в Тулузе развелось множество черных котов, яростно вырывавшихся из рук истинно верующих, а в Авиньоне, славном ученостью, появились странные вдовы, которые с нескромными песнями залезали на высокие деревья, но спускались на землю вниз головами, как ящеры. Меркурий на все ухищрения Сатаны взирал равнодушно, и только вмешательство инквизиции спасло несчастную Бургундию, где пришлось распалить костры сразу на девятьсот персон, среди которых были даже пятилетние девочки, – и все они, после пытки водой и огнем, смиренно покаялись в тех невыразимых мерзостях, которые они творили в каждое новолуние, общаясь с дьяволом...

Впереди я вижу только могилу свою и себя в ней – там вечная тишина, в которой отсутствуют даже воспоминания. Оглядываясь же назад, я опять вижу себя, но еще молодым, все было исполнено движения, треска полыхающих костров и стука бранных мечей. Увы, мой путь завершен! Как сказано в древней греческой эпитафии: «Я обрел пристанище. Простите, надежды и счастье. Ничего уже нет у меня с вами общего. Теперь обманывайте других!» Смирненно выжидая смертного часа, предамся последней радости – воспоминаниям...

Думал ли я, появаясь на свет божий, что на моих же глазах исполнится пророчество от Исайи: «Цари и царицы лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих. Будешь насыщаться молоком народов земных и груди царские сосать станешь. И люди твои навек наследуют эту землю...»

Примерно так начинается эта ветхая рукопись; я говорю – примерно, ибо, писанная на староиспанском языке, она оказалась очень трудна для перевода на русский. Из рукописи мне стало известно, что ее автор – видный иезуит – был отлично извещен во многих тайнах своего времени. Каталонец происхождения, он, как это и водилось среди испанских дворян-идальго, имел длинную, даже замысловатую фамилию, но мы будем называть его кратко – Куэвас!

Он нашел успокоение в иезуитских колониях Парагвая, и многое расскажет о себе сам. Но мне, автору, надобно совместить самого себя с мировоззрением своего героя, дабы объяснить читателю реальную обстановку в Европе, о которой иезуит – по сути своего ремесла – не везде сказал правду. Таким образом, мне придется следовать за Куэвасом тайными иезуитскими тропами, заводящими меня в дремучие дебри невежества и просвещения, войн и политики. Как и моему герою, мне предстояло вжиться в ту эпоху, которая для Куэваса была его временем, а для меня там все исполнено загадок и трагических недомолвок...

Но прежде всего нам следует навестить старушку Европу!

* * *

Конечно, древнюю Европу можно и ненавидеть.

Но лучше будем ее беречь, понимать и любить.

Для нас, европейцев, она, пусть даже проклинаемая, вечно останется нашей общей матерью, и судьба ее – это наша общая судьба, это храмы и кладбища предков, это наши корни, уходящие в глубину веков. Но именно туда, в эту загадочную пропасть былого, жутко заглядывать нам, живущим сегодня. В торжественных залах Лувра, Эрмитажа, Прадо, пинакотеках

Мюнхена или Дрездена мы стараемся вникнуть в портреты предков... Люди, неужели вы жили, как мы?

А какие вы были? Лучше нас? Или хуже нас?

Нелегко вживаться в прошлое и пытаться думать, как мыслили задолго до меня, чтобы понять непонятное, чтобы полюбить ненавистное. Люди, давно истлевшие, были никак не глупее нас, читатель. Правда, они не знали того, что знаем теперь мы, но зато мы не знаем того, что знали они...

Екатерине Медичи, дочери флорентийского герцога, было 14 лет, когда папа римский Климент VII, сам будучи из рода Медичи, устроил ей выгодный брак с Генрихом, дофином Франции. Девочка, уже славная в Италии своим распутством, повезла в Париж коллекцию уникальных ядов для будущих недругов и хорошую библиотеку, в которой были книги об архитектуре и лечении любово-страстной болезни, которая тогда называлась «неаполитанской», а позже именовали «французской». В дороге она перечитала «Пророчества Сибиллы», руководство по игре в шахматы и морской навигации, изучила научный трактат «Об искусстве иметь красивых детей». Опасаясь за темперамент племянницы, папа римский сам и довез невесту до Марсе-ля, где со вздохом облегчения сдал ее на руки дофину. Духовник будущей королевы Франции был очень удивлен, что в обширном багаже знатной флорентийки не нашлось местечка для молитвенника.

Но девочка показала ему «Принципы» Макиавелли:

– Разве это не заменит мне Библии? – спросила она...

Вернувшись в Рим, папа малость покряхтел и умер от яда. В таких случаях кардиналы не сомневаются, что отравление выгодно тому, кто займет свободный престол наместника божия. Но Александр Фарнезе отказывался от папской тиары, говоря, что не сегодня, так завтра умрет. Он занимался астрологией и некромантией, окруженный дымом алхимиков, призраками магии и похабными памфлетами. Вот его и выбрали в папы, ибо никто из конклава не рассчитывал, что он долго протянет. С новым именем папы Павла III Александр Фарнезе моментально выздоровел. Он жил со своей дочерью Констанцией Фарнезе, и сын его, таким образом, доводился ему родным племянником; не разобравшись в собственной генеалогии, он блудил еще и с матерью, которая официально считалась его родной сестрой... Дорогой читатель, никогда не пытайтесь разобраться в генеалогии таких родов, как Борджиа, Сфорца, Медичи, Фарнезе, Гонзаго и прочих, – ты обязательно запутаешься, как запутывались и они сами! Недаром же в пасквильной эпитафии Лукреции Борджиа было сказано четко, а, вернее, совсем нечетко: «Она приходилась папе Александру дочерью, женой и невесткой».

Политические альянсы между государствами достигались тогда чаще всего посредством выгодных браков, обручений, помолвок. Семейные узы считались гарантией прочности союза. Павел III сосватал своего внука Оттавио с Маргаритой, прилюдной дочерью германского императора Карла V; другого внука Орацио женил на побочной дочери Генриха II, короля французского. Именно он утвердил Орден «псов господних», чтобы своим рычанием они устрашили «еретиков»; это он распалил костры инквизиции до небес. Распутник и обжора, папа с помощью пальцев извергал свою трапезу, чтобы снова усесться за стол. Обглоданные кости он щедро швырял в мешок:

– Мы их продадим дуракам, как мощи святых...

В политике, как и в любви, самые сложные вопросы разрешались с помощью ядов, секреты которых ныне утеряны. Яд мог поразить человека моментально и мог годами разлагать его заживо; в Европе, как и в Китае, был известен удивительный яд, который человека нормального роста постепенно превращал в карлика. В этом деле бывали и великие мастера! Цезарь Борджиа, разрезав пополам персик, половину его съедал сам, а потом выражал удивление, отчего умер его приятель, вкусивший от другой половинки персика. Здесь уже виден подлинный талант. Большой талант искусного отравителя...

На Руси правила вдовья литвинка Елена Глинская – умная, образованная женщина, которая из духоты московских теремов – первой! – осмелилась выйти на арену политической жизни. Воевала с королем Сигизмундом из-за Смоленска, провела денежную реформу в стране, окружала рубежи поспешным созданием крепостей, жестоко подавляя любое недовольство бояр. При ней многие были сосланы, удушены в тюрьмах, задушены дымом, погублены голодом, а иные просто разбежались, куда глаза глядят. Елена Глинская и открыла тот страшный синодик убиенных и замученных, который вскоре допишет ее сын – царь Иван IV Васильевич, по прозванию – Иван Грозный...

Глинская умерла молодой. И тоже от яда!

* * *

Европа! А какая она была тогда, эта Европа?

Дороги сохранились еще от римлян, имея стандартную ширину – чтобы проехал всадник, держа копьё поперек седла.

По этим дорогам история двигалась неторопливо.

История тех времен – нескончаемая хроника уголовных преступлений королей, курфюрстов, герцогов, маркграфов, пап, епископов и кардиналов. И чем больше пролито ими крови, тем больше надежд сохранить свое имя в анналах истории. Убийство редко бывало случайностью, а зрело обдуманном предприятием ради личных выгод, сама же «идея» массовых преступлений дала богатую пищу для будущих социологов, которые измучились в пыли архивов, не в силах догадаться о целях преступления.

Виноградные лозы Вакха переплели заодно древность Италии и Франции, они опутали и берега Рейна. Европа не знала водки, но вина пили много. Общественной гигиены еще не знали. Кучи мусора и навоза гнили на улицах, помой выплескивались из окон на головы прохожих. Будки уборных, подобно скворечникам, нависали над реками, и путник, проплывая на лодке, невольно созерцал выставленные напоказ дряхлые задницы стариков и румяные ягодицы невест. Пыль на дорожках, поднятая скачущим всадником, была единственным фактором загрязнения природы, об экологических бедствиях никто и не думал...

Самое опасное время – на стыках истории, но различные эпохи никогда не имеют четких рубежей; они размываются временем, как топкие берега приливами и отливами. На широком полотне Возрождения живописцы выписывали сочные картины гармонии человеческого счастья, а Средневековье еще удушало людей в траурных одеждах, восхваляя бледную немочь страданий и молитвенных бдений. Всюду полыхали костры инквизиции и кричали заживо сгоравшие люди, – две эпохи пока что смыкались одна с другою, и бывало так, что тиран, забрызганный кровью, венчал золотыми лаврами голову поэта, воспевающего великое благо свободы.

Европа жила в постоянном напряжении, среди военных кровопролитий, массовых казней и страшных эпидемий, выживавших страны и города до полного оскудения и безлюдия, когда в опустевших домах поселялись волки и барсуки, а люди прятались в лесах, как звери. Общественная жизнь была проста: человек редко выбивался из своего круга. Но зато сама жизнь требовала небывалого напряжения сил, физических и духовных. Имеющий малые способности развивал их до степени таланта, а талант в неустанном труде восходил к величию гения. Срок жизни был невелик: труд и распутство превосходили всякие меры, и потому человек чаще умирал молодым. Не оттого ли столь сильны были страсти, не потому ли дрались на турнирах, как львы, отбивая перчатку дамы, которая практически мужчине и не нужна. Люди торопились жить и любить, поцелуй женщин, пахнущих острым мускусом, бывали почти болезненны, как укусы рептилий.

Свободна была природа – ее леса, реки, звери и птицы, но человек не был свободен. Европа шумела первобытными дубравами, а за каждым кустом можно было ожидать зверя

или разбойника. Даже в больших городах человек жил в постоянном страхе. Люди ходили по улицам с опаскою, испуганно озираясь. Частные дома по ночам запирались, как осажденные крепости. Большое количество слуг и дармоедов – это не признак роскоши, а результат страха. Люди были нужны, чтобы отбить нападение грабителей. В жилищах делали узкие окна, похожие на бойницы, чтобы отстреливаться, сооружали глубокие подземелья, чтобы в них прятаться. Черная магия и ворожба соседствовали с идеями свободомыслия. Города Европы были переполнены хиромантами, шарлатанами, чародеями, алхимиками и продавцами чудесного эликсира вечной молодости... Всем хотелось жить долго, дабы узнать, что будет завтра.

Разврат был узаконен. Даже в священном Риме проститутки, одетые с вызывающей роскошью, уже не таились дневного света. Для отличия от порядочных женщин они красили волосы в желтый цвет, а на левой стороне груди носили золотой аксельбант (что означало: мое сердце принадлежит всем!). Папа Сикст IV, устроитель Сикстинской капеллы, ввел в Ватикан куртизанку Фульгору: она заразила папу, всех его сыновей, всех его кардиналов, а опытные врачи утверждали, что подобные болезни лучше всего излечиваются шоколадом...

Подлечившись, Сикст IV увлекся созданием публичных лупа-нариев, после чего подвел калькуляцию своих доходов.

– Матьер божия! – возликовал он. – Да ни один монастырь с виноградниками не приносит столько прибылей, сколько способны заработать за одну ночь три здоровущие кобылы.

Публичные дома в ту пору европейской истории считались самым надежным убежищем: убийцы спасались там от ареста, а должники прятались от кредиторов; жены не имели права вытаскивать оттуда своих мужей, а Ватикан общение с проституткой не считал прелюбодеянием. Но евреев в лупанарии не пускали; если уж какой храбрец и проникал туда под видом христианина, то заканчивал жизнь в тюрьме на соломе...

В ответ на грязный разврат Ватикана лютеране Северной Европы провозгласили в церк-вах закон воздержания:

– Дважды в неделю, и этого вполне хватит!

Из Женевы отозвались еретики-кальвинисты:

– Нам достаточно и одного раза в месяц...

Папа думал иначе. Однажды его навестили римские куртизанки с жалобой на Великий пост, во время которого неизвестно, сколько раз можно грешить, и папа оказался щедрее:

– Да сколько хотите, мои ласточки! Лишь бы вы не забывали платить налог на благо процветания церкви...

Пороки, как явление социальное, тоже вписываются в историю Европы заодно с вопро-сами верования. Религия в те времена была не только культом веры, она заменяла людям миро-воззрение и все понимание жизни насущной, вплоть до мельчайших пустяков, на постулатах веры созидались философия и законы судебного права. Следовательно, люди того времени верили в бога, как в вершителя своих судеб, не потому, что они были круглыми дураками, а потому, что от религии зависели насущные вопросы их личной и общественной жизни.

Жил в том времени удивительный человек, монах и циник, по имени Франсуа Рабле, который не боялся ни людей, ни бога, ни черта, а верил только в кружку с вином и кусок мяса; все святое, что проповедовала церковь, он утащил в придорожный кабак и там пропил под хохот всей Европы, которая признала его великое бессмертие. Для меня всегда останется загадкой, почему Рабле, осмеявший папу и его церковников, избежал костров инквизиции. Зато инквизиция сжигала его книги, а сам он встретил смерть циничным хохотом:

– Отправляюсь искать великое «может быть»!

Кажется, пришел момент, чтобы снова развернуть старинную рукопись безвестного для нас Куэваса...

* * *

Слабеющей рукой я пишу эти строки в Парагвае, куда меня отправили умирать, убедившись в моей дряхлости и неспособности обманывать так, как умел обманывать только я.

Я забыл год, когда издал свой первый крик, но хорошо помню, что в нашем бедном доме четки стали моей первой игрушкой. Испанией правил благочестивейший Филипп II, королем Франции был Генрих III Валуа, в Англии царила неисправимая еретичка Елизавета I, императором германским был Рудольф II, прочно сидевший в Вене, на польском престоле умирал Сигизмунд Старый, женатый на Боне из миланской династии Сфорца, а в презренной Московии царствовал Хуан-дон-Базилио (Иван Васильевич) по прозвищу Грозный...

Все уже нашли свое место в сырой земле, и один только я еще проделываю свой путь. Наш великий учитель, принявший блаженство от щедрот Рима, был еще жив, когда его божественный перст указывал нам, псам господним, дорогу на Восток, где клубились грозные тучи над Речью Посполитой, где заметало вьюгами древнюю землю варваров-москвитов. Польское панство в безумии своем уже напиталось ядом речей от безбожного Лютера, а русские цари в неразумении язычества своего византийского отвергали святое причастие из рук наместника божия в Риме...

Именно этот «перст» Иниго Лойолы теперь указывает мне навестить Полонию и Московию. Но прежде чем отправиться в дальний путь, я затвердил главную заповедь той эпохи, в которой мне предстояло казниться самому и казнить других:

– Кто много болтает – закончит жизнь гребцом на мальтийских галерах, кто дерзает писать книги – тому быть повешенным, а кто помалкивает, ни во что не вмешиваясь, тот до самой смерти всегда останется подозрителен для священной инквизиции!

2. Дорога в Московию

Себастьян Кабот был уже стар. В жизни этого человека, картографа и мореплавателя, было все – и даже тюремные цепи, в которые его, как и Христофора Колумба, заковывали испанские короли. Кабот много плавал – там, где европейцы еще не плавали. Навестив холодные воды Ньюфаундленда, кишасие жирной треской, он дал европейцам вкусную дешевую рыбу, которую охотно поедали короли и нищие. Но сам-то Кабот ошибочно решил, что открыл... Китай! Впрочем, и Колумб, открывший Америку, твердо верил, что попал... в Индию!

Познание мира давалось человечеству с трудом.

Ныне платье Кабота украшал пышный мех, на груди его висела тяжелая золотая цепь. Пылкий уроженец Италии, он служил королям Англии, которая еще не стала могучей морской державой, лондонские купцы алчно завидовали испанцам, этим вездесущим идальго, отличным морякам и кровожадным конкистадорам. Кабот преподавал космографию юному королю Эдуарду VI, драгоценным перстнем он стучал по мифическим картам, где все еще было неясно, туманно, таинственно.

– Вашему величеству, – утверждал он, – следует искать новые пути на Восток, куда еще не успели забраться пропахшие чесноком испанцы, пронырливые, будто корабельные крысы. Если мы поплывем на север, то, стоит нам пробиться через льды, и мы сразу попадем в царство вечной весны, которое освещено незакатным солнцем. Там люди еще не знают, что они ходят по земле, наполненной золотом и драгоценными камнями...

Англия верила в существование загадочной Полярной империи; Эдуард VI даже составлял послания к властелину райской державы, которой никогда не существовало. Лондонские негоцианты посетили королевские конюшни, где за лошадьми ухаживали два татарина. Их спрашивали – какие дороги ведут в Татарию и какие в «Катай» (Китай), где расположен легендарный город «Камбалук» (Пекин)? Но татары-конюхи успели в Лондоне спиться, в чем они весело и сознались:

– От пьянства мы позабыли, что знали раньше...

Наслушавшись пламенных речей Кабота, купцы образовали компанию, для которой купили три корабля. В начальники экспедиции был выбран Хуго Уиллоуби – за его высокий рост, а пилотом (штурманом) эскадры назначили Ричарда Ченслера – за его большой ум и длинную бороду. Себастьян Кабот лично составил инструкцию, в которой просил моряков не обижать жителей, какие встретятся в неизвестных странах, не издеваться над чуждыми обычаями и нравами, а привлекать «дикарей» ласковым обращением. По тем временам, когда язычников убивали всех подряд, уничтожая их древние цивилизации, инструкция Кабота казалась шедевром гуманности. Не были им забыты и команды кораблей: «Не должны быть терпимы сквернословие, непристойные рассказы, равно как и игра в кости, карты и иные дьявольские игры... Библию и толкования ее следует читать с благочестивым христианским смирением», – наставлял моряков Кабот.

В мае 1553 года Лондон прощался с кораблями сэра Уиллоуби, матросы были обряжены в голубые костюмы, береговые трактиры на Темзе чествовали экипажи дармовой выпивкой, народ кричал хвалу смельчакам, возле Гринвича корабли салютовали дворцу короля, придворные дамы махали им платками из окон...

Прошел только один год, и русские поморы, ловившие рыбу у берегов Мурмана, случайно зашли в устье речки Варзины; здесь они увидели два корабля, стоящие на якорях. Но никто не вылез из люков на палубы, из печей камбузов не курился дым, не пролаяли корабельные спаниели. Поморы спустились внутрь кораблей, где хранились товары. Среди свертков сукна и бочек с мылом лежали закостеневшие в стуже мертвецы, а в салоне сидел рослый Хуго Уил-

лоуби – тоже мертвый; перед ним лежал раскрытый журнал, из которого стало ясно – в январе 1554 года все они были еще живы и надеялись на лучшее... Их погубил не голод, ибо в трюмах было полно всякой еды; их истребили тоска, морозы, безлюдье, отчаянье...

Поморы поступили очень благородно.

– Робята! – велел старик кормщик. – Ни единого листочка не шевельни, никого покойничка не колыхни. И на товары чужие не зарься; от краденого добра добра не бывает...

В объятиях стужи законсервировались лишь два корабля. Но среди них не было третьего – «Бонавентуре», на котором плыл умный и энергичный сэр Ричард Ченслер (пилот эскадры). «Бонавентуре» в переводе на русский означает «Добрая Удача».

* * *

Сильный шторм возле Лафонтенов разлучил «Бонавентуре» с кораблями Уиллоуби; в норвежской крепости Вардегауз, что принадлежала короне датского короля, была заранее предусмотрена встреча кораблей после бури. Но Ченслер напрасно томился тут целую неделю, потом сказал штурману:

– Барроу! Я думаю, купцы Сити не затем же вкладывали деньги в наши товары, чтобы мы берегли свои паруса.

– Я такого же мнения о купцах, – согласился Барроу. – Вперед, сэр, а рваные паруса – признак смелости...

Огибая Скандинавию, Ченслер заметил конечный мыс Европы, которому и дал название – *Нордкап!* Мясо давно загнило, насыщая трюмы зловонием, а течь в бортах корабля совпала с течью из бочек, из которых вытекали вино и пиво. Ветер трепал длинную бороду Ченслера, и он спрятал ее за воротник рубашки. Справа по борту открылся узкий пролив, через который англичане вошли в Белое море (ничего не ведая о нем, ибо на картах Себастьяна Кабота здесь была показана *пустота*). Плыли дальше, пока матрос из мачтовой «бочки» не прогорланил:

– Люди! Я вижу людей, эти люди похожи на нас...

«Двинская Летопись» беспристрастно отметила: «Прииде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в малых судах от английского короля Эдварда посол Рыцарт, а с ним гости». Архангельска еще не существовало, но близ Холмогор дымили деревни, на зеленых пожнях паслись тучные стада, голосили по утрам петухи, а кошки поморов признавали только одну рыбку – перламутровую сёмгу. В сенях крестьянских изб стояли бочки с квасами и сливочным маслом; завернутые в чистые полотенца, под иконами свято береглись рукописные книги «древнего благочестия» (признак грамотности поморов).

Для англичан все это казалось сказкой.

– Как велика ваша страна и где же ее пределы, каковы богатства и кто у вас королем? – спрашивали они.

Поморы отвечали, что страна их называется Русью, или Московией, у нее нет пределов, которые теряются в лесах, степях и тундрах, а правит ими царь Иван Васильевич. Ченслер, общаясь с русскими, вел себя крайне любезно, предлагая для торга свои товары: грубое сукно, башмаки из кожи, мыло и восковые свечи. Русские могли бы предложить англичанам товаров побольше и побогаче. Они обкормили экипаж «Бонавентуре» блинами, сметаной и пирогами с тресковой печеню, однако торговать опасались:

– Нам, батюшка, без указа Москвы того нельзя...

Воевода уже послал гонца к царю. Ричард Ченслер убеждал воеводу, что король Эдуард VI направил его для искания дружбы с царем московским. Очевидно, он поступал вполне разумно, самозванно выдавая себя за посла Англии.

– Я должен видеть вашего короля Иоанна в Москве! – твердил он воеводе. – Не задерживайте меня, иначе я сам поеду...

Укрытый от мороза шубами, Ченслер покотился в Москву санным поездом, все замечая на своем пути. В дороге между Вологодой и Ярославлем его поразило множество селений, «которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеивается хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить до восьмисот саней, едущих с хлебом, а некоторые с рыбой... Сама же Москва очень велика! Я считаю, что этот город в целом больше Лондона с его предместьями». Ченслер стал первым англичанином, увидевшим Москву, а два корабля Уиллоуби, найденные поморами, были отправлены в Англию вместе с прахом погибших. Но они пропали безвестно. Так пропали, как пропадали и тысячи других... Таково было время!

* * *

Иван Грозный еще не был... грозным! Страна его, как верно заметил Ченслер, была исполнена довольства, города в провинции процветали, народ еще не познал ужасов опричнины.

После разрушения Казанского ханства следовало завершить поход на Астрахань, дабы все течение Волги-кормилицы обратить на пользу молодого, растущего государства; в уме Ивана IV уже зарождалась война с Ливонией – ради открытия портов балтийских. Россия тогда буквально задыхалась в торговой и политической изоляции: с юга старинные шляхи перекрыли кордонами крымские татары, а древние ганзейские пути Балтики стерегли ливонцы и шведы... Потому-то, узнав о прибытии к Холмогорам английского корабля, царь обрадовался.

– Товары аглицкие покупать, свои продавать... После же брата моего, короля Эдварда, встретить желательно!

Ченслер застал Москву деревянной, всю в рощах и садах, осыпанных хрустким инеем. Из слюдяных окошек терема он видел, как в прорубях полощут белье бабы, топятся по берегам реки дымные бани, возле лавок толчется гуляющий народ, каменная громада Кремля была преобильно насыщена кудрявыми луковицами храмов, висячими галереями, с богато изукрашенных крылечек пологие лестницы вели в палаты хором царских...

Иван IV принял Ченслера на престоле, в одеждах, покрытых «лиственным золотом», с короною на голове, с жезлом в правой руке. Он принял от «пилота» грамоту, в которой Эдуард VI просил покровительства для своих мореплавателей.

– Здоров ли мой брат, король Эдвард? – был его вопрос (а «братьями» тогда величали друг друга все монархи мира).

Ченслер отвечал, что в Гринвиче король не вышел из дворца, дабы проститься с моряками, ибо недужил, но, вернувшись в Лондон, они надеются застать его в добром здравии.

– Я стану писать ему, – кивнул Иван Васильевич...

После чего посла звали к застолью; «число обедавших, – сообщал Ченслер, – было около двухсот, и каждому подавали на золотой посуде». Даже кости, что оставались для собак, бояре швыряли на золотые подносы, убранные драгоценными камнями. Иван IV сидел на престольном возвышении во главе стола, зорко всех озирая, каждого из двухсот гостей точно называл по имени. Ченслеру, как и другим, был подан ломоть ржаного хлеба, при этом ему было сказано:

– Иван Васильевич, царь Русский и великий князь Московский, жалуется тебе хлебом из ручек своих...

Большие кубки осушались единым махом, но, выпив, бояре тут же крестили свои грешные уста, заросшие широкими бородами. А борода Ченслера была очень узкой и длинной, как у волшебного кудесника. Пир завершился в час ночи, а царь, по словам Ченслера, возлюбил его «за ум и длинную бороду».

Ранней весной он сказал ему:

– Езжай до короля своего и скажи, что я рад дружбу с ним иметь. Пусть купцов шлет – для торга, пусть рудознатцы едут – железа искати, живописцы разные... Всех приму!

Ченслер отплыл на родину. Уже в виду берегов Англии на «Бонавентуре» напали фламандские пираты. С воплями они вцепились в корабль абордажными «кошками», и вмиг разграбили все русские товары, расхитили подарки от русского царя, – спасибо, что хоть в живых оставили... На родине англичан ждали перемены: Эдуард VI умер, на престол взошла Мария Тюдор («Кровавая») со своим мужем – Филиппом II, королем испанским. В стране началась католическая реакция: протестантам рубили головы, людей сжигали на кострах.

Россия, стиснутая между татарами и ливонцами, еще оставалась для Европы terra incognita (загадочной землей), и Филипп II не совсем-то верил рассказам Ченслера:

– Мы лучше знаем могучую Ливонию, но у нас темно в глазах от ужаса, когда мы слышим о варварской Московии.

– Так ли уж богата Русь? – допытывалась королева. – Стоит ли нам связывать себя с нею альянсом дружественным, если выгод торговых иметь не будем?

Ченслер поклонился, бороною коснувшись пола.

– О, превосходнейшая королева! – отвечал он. – Мнение Европы о Московии ошибочно, это удивительная страна, где люди рожают много детей, у них обильная конница и грозные пушки. Согласитесь со мною: если бы Московия осознала свое могущество, никому бы с нею не совладать.

Коронованные изуверы рассудили здраво: Англия вела войны с Францией, а Россия ополчается против Ливонии, – в этом случае Англии полезно дружить с Россией, а торговые сделки купцов скрепляют узы политические. Себастьян Кабот тоже понимал это, и потому почтенный старец не слишком-то огорчился от того, что, вместо легендарного «Камбалука» (Пекина), Ченслера занесло в Москву.

Королевской хартией в феврале 1555 года Мария Тюдор образовала «МОСКОВСКУЮ КОМПАНИЮ», которую стал возглавлять Себастьян Кабот. Старик было уже больше восьмидесяти лет, но, когда Ченслер грузил корабли для нового рейса в Россию, Кабот здорово подвыпил в трактире с матросами. На зеленой лужайке он даже пустился в пляс, и золотая цепь венецианского патриция болталась на его шее, как маятник.

* * *

На этот раз Ченслер прибыл в Москву персоной официальной, Иван IV был рад снова увидеть Ченслера, а его свиту «торжественно провезли по Москве в сопровождении дворян и привезли в замок (Кремль), наполненный народом... они (англичане) прошли разные комнаты, где были собраны напоказ престарелые лица важного вида, все в длинных одеждах разных цветов, в золоте, в парче и пурпуре. Это оказались не придворные, а почтенные москвитяне, местные жители и уважаемые купцы...»

Англичан именовали так: «гости корабельские».

После угощения светлым, хмельным медом царь взял Ричарда Ченслера за бороду и показал ее митрополиту всея Руси:

– Во, борода-то какова! Видал ли еще где такую?

– Борода – дар божий, – смиренно отвечал владыка...

Бороду Ченслера тогда же измерили: она была в 5 футов и 2 дюйма (если кому хочется, пусть сам переведет эти футы и дюймы в привычные сантиметры). Иван Васильевич велел негоциантам вступить в торги с купцами русскими, а Ченслеру сказал:

– За морями бурными и студеными, за лесами дремучими и топями непролазными – пусть всяк ведает! – живет народ добрый и ласковый, едино лишь о союзах верных печется... С

тобою вместе я теперь посла своего отправлю в королевство Аглицкое, уж ты, Рыцарь Ченслер, в море-то его побереги.

Посла звали Осип Григорьевич по прозвищу Непея, он был вологжанин, а моря никогда не видывал. Посол плакал:

– Да не умею плавать-то я... боюсь!

– Все не умеют. Однако, плавают, – рассудил царь.

Ричард Ченслер утешал посла московского:

– Смотрите на меня: дома я оставил молодую жену и двух малолетних сыновей. Я не хочу иметь свою жену вдовою, а детей сиротами... Со мною разве можно бояться?

Буря уничтожила три его корабля, а возле берегов Шотландии на корабль Ченслера обрушился шквал.

«Бонавентуре» жестоко разбило на острых камнях.

Ченслер, отличный пловец, нашел смерть в море.

Осип Непея, совсем неумевший плавать, спасся... Местные жители сняли с камней полухлебнувшегося посла Московии.

– Теперь вы дома, – утешали они его.

– Это вы дома, – отвечал Непея, – а мне-то до родимого дома вдругорядь плыть надо, и пощады от морей нету...

С большим почетом он был принят в Вестминстерском дворце. Довольная льготами, что дали английским негоциантам в России, королева предоставила такие же льготы в Англии и для русских «гостей»: им отвели в Лондоне обширные амбары, избавили от пошлин, обещали охрану от расхищения товаров.

Осип Непея отплыл на родину в обществе английских мастеров, аптекарей, художников и рудознатцев, пожелавших жить в России и трудиться ради ее пользы и украшения.

...Красная площадь немислима без яркого храма Василия Блаженного, а Ричард Ченслер сам видел, как Иван IV закладывал эту церковь в ознаменование своего похода против Казанского ханства. Храм строился гораздо быстрее, нежели созидался в Риме собор Св. Петра, и русский царь не прибегал к помощи индульгенций, отпускающих грехи россиянам. А для торговли с англичанами в устье Северной Двины появился славный город Архангельск, без которого мы уже не мыслим существование нашего государства...

В это же время иезуиты появились в Вене, они незаметно проникли в чешскую Прагу, приближаясь к рубежам Полонии, где совсем недавно скончался король Сигизмунд Старый.

Его сын Сигизмунд-Август был последним из династии Ягеллонов.

3. Последние из ягеллонов

Сигизмунд Старый, сын Ягеллончика, был женат на страшной женщине по имени Бона Сфорца, которая и ускорила его смерть, строя интриги, расхищая казну государства... Катафалк с телом усопшего поставили в кафедральном соборе на Вавеле в Кракове: суровые рыцари в боевых доспехах склонили хорунжи (знамена) Краковии, Подолии, Мазовии, Познани, Вольни, Гнезны, Померании, Пруссии и прочих земель польских.

Жалобно запел хор мальчиков. Монахи поднесли свечи к знаменам – и они разом вспыхнули, сгорая в жарком и буйном пламени. Раздался цокот копыт – по ступеням лестницы прямо в собор въехал на лошади Ян Тарло в панцире, поверх шлема его торчала большая черная свеча, коптившая едким пламенем.

В руке Тарло блеснул меч:

– Да здравствует король Сигизмунд-Август!

Имя нового короля, сына польского, было названо, и канцлер с подскарбием с хрустом разломали государственные печати – в знак того, что старое королевье кончилось. Сигизмунд-Август снял с алтаря отцовские регалии и расшвырял их по углам собора. В то же мгновение герцог Прусский и маркграф Бранденбургский (вассалы польские) выхватили мечи. С языческим упоением они сокрушали регалии былой власти. Громко зарыдали триста наемных плакальщиц. Над головами множества людей слоями перемешался угар тысяч свечей и дым сгоревших хоругвий. Бона Сфорца вдруг шагнула вперед и алчно сорвала с груди покойного мужа золотую цепь с драгоценным крестом:

– Не отдам земле – это из моего рода Сфорца!

В дни траура король навестил мать в краковском замке. Еще красивая стройная женщина, она встретила сына стоя; ее надменный подбородок утопал в складках жесткой испанской фрезы. Платье было осыпано дождем ювелирных слез, отлитых из мексиканского серебра. Молодой король приложился к руке матери, целуя ее поверх перчатки, украшенной гербами Сфорца и Борджиа.

– Покойный отец мой недавно выплатил дань Гиреям крымским, чтобы они дали нам пожить спокойно. Но, получив дань, татары уже вторглись в наши южные пределы, угоняя в Крым тысячи пленников. Придется выкупать их на рынках Кафы,¹ а наша казна пуста. Хочу знать: насколько справедливы те слухи, что вы, моя мать, отправили миллионы дукатов в Милан и в «золотую контору» аугсбургских банкиров Фуггеров?

Бона Сфорца безразлично смотрела в окно.

– Что слышать из Московии? – спросила она о другом.

– Иван Васильевич венчал себя царским титулом, а Крымским ханством овладел Девлет-Гирей. Но я жду ответа о казне Польши, бесследно пропавшей.

– Я не только Сфорца, – отвечала мать, гневно дыша, – во мне течет кровь королей Арагонских, кровь благочестивых Медичи и Борджиа, и еще никто не смел попрекать нас в воровстве... Ступай! Зачем ты велел закладывать лошадей?

– Я отъезжаю в Вильно.

Боной Сфорца овладел яростный дикий крик:

– Твое место в Кракове или в Варшаве... Или тебе так уж не терпится снова обнюхать свою сучку Барбару Радзивилл, которую всю измял этот бородатый дикарь Гаштольд, даже в постели не снимавший шлема и панциря?

– Я люблю эту прекрасную женщину, – ответил король, невольно бледнея от страшных оскорблений матери.

¹ Нынешний город Феодосия; в старые времена был главным районом работорговли. – Здесь и далее прим. авт.

– Ах, эта любовь! – с издевкой отвечала Сфорца. – Меня сватал сам великий германский император Карл V, и тебе надо бы искать жену из рода могучих Габсбургов, пусть из Вены или из Толедо. Бери любую принцессу из дома баварских или пфальцских Виттельсбахов. По тебе тоскует вдовая герцогиня Пармская. Наконец, вся Италия полна волшебных невест из Мантуи, Пьянчецы и Флоренции, а ты... кого избрал?

– Я никогда не оставлю Барбару, – отвечал сын.

– А-а-а, – снова закричала мать, – тебе милее всех эта блудница из деревни Дубинки, где она росла среди грядок с горохом и капустой... Чем она прельстила тебя?

– Тем, что она любит меня.

– Тебя любила и первая жена Елизавета Австрийская.

– Да! – обозлился король. – Но вы сначала разлучили меня с нею, а потом извели ядом из наследия благочестивых Борджиа.

Дверь распахнулась – вбежала Анна Ягеллонка, сестра молодого короля. Она рухнула между матерью и братом:

– Умоляю... не надо. Даже в комнатах слышно каждое ваше слово. Даже лакеи смеются... сжальтесь!

– Хорошо, – сказал Сигизмунд-Август, одернув на себе короткий литовский жупан. – Мертвых уже не вернуть из гроба, но еще можно вернуть те польские деньги, что погребены в сундуках конторы аугсбургских Фуггеров.

Бона Сфорца злорадно захохотала:

– Ты ничего не получишь... Пусть пропадет эта проклятая Польша, в которой холодный ветер задувает свечи в храмах и где полно еретиков, помешанных на ереси Лютера...

После отъезда сына она тоже велела закладывать лошадей. Ее сопровождали незамужние дочери – Анна и Екатерина Ягеллонки. Спины лошадей были накрыты шкурами леопардов.

– Мы едем в замок Визны, – сказала Сфорца; под полозьями саней отчаянно заскрипел подтальный снег. – О, как я несчастна! Но вы, дочери, будете несчастнее своей матери... Я изнемогла вдали от солнца Милана. Как жить в этой стране, если к востоку от нее – варварская Московия, а из германских княжеств идет на Пологию лютеранская ересь? Я не пожалела бы пяти миллионов золотых дукатов, чтобы в городах моего королевства пылали костры инквизиции...

...Было время гуманизма и невежества, дыхание Возрождения коснулось даже туманных болот Полесья, а ветры из Европы доносили дым костров папской инквизиции. Правда, в Польше тоже пылали костры: заживо сжигали колдуний, упырей, ворожеек, отравителей. Но казни еще не касались «еретиков» лютеранской веры, поляки были веротерпимы, и Реформация быстро овладевала умами магнатов и священников. Бона Сфорца сказала:

– Без псов господних не обойтись...

«Псами господними» называли себя иезуиты.

* * *

В каминах древнего замка Визны жарко постреливали дрова, но все равно было холодно. Бона Сфорца надела на голову испанский берет из черного бархата. Махра Вогель, приемная дочь королевы, тихо играла на лютне.

– Когда-то и я трогала эти струны, – сказала Бона, тяжело ступая на высоких котурнах. – Но все прошло... все! Теперь я жду гонца из Вильны, а он все не едет...

Она выглянула в окно: за рекой чернели подталые пашни, дремучие леса стояли за ними, незыблемые, как и величие древней Полонии. Наконец, она дождалась гонца, который скакал пять суток подряд, скомканный вальтрап под его седлом был забрызган грязью, как и он сам. Гонца протянул ей пакет:

– Из Литвы, ваша королевская ясность.

– Кто послал тебя?

– Петр Кмит, маршал коронный.

– Что ты привез?

– О том знают все. Король и ваш сын Сигизмунд-Август ввел Барбару Радзивилл в Виленский дворец, публично объявив ее своей женой и великой княгиней литовской...

Ничто не изменилось в лице Боны Сфорца:

– Ты устал? Ты хочешь спать?

– Да. И – пить.

Сфорца перевернула на пальце перстень, сама наполнила бокал прохладной венджиной и протянула его гонцу:

– Пей. С вином ты уснешь крепче...

Потом из окна она проследила, как гонец, выйдя из замка, шел через двор. Ноги его вдруг подкосились – он рухнул и уже не двигался. В палатах появился маршалок замка:

– Гонец умер. Такой молодой. Жалко.

– Но он слишком утомился в дороге...

Перстень на ее пальце вдруг начал менять окраску, быстро темнея. Махра перестала играть на лютне:

– Что пишут из Литвы?

– Дурные вести – у нас будет новая королева, и сам всевышний наказал гонца, прибывшего с этой вестью.

Теперь осталось дело за малым: возмутить шляхту и сейм, всегда алчных до золота, чтобы они не признали брак ее сына. Петр Кмит был давним конфидентом Боны, по его почину собрался сейм. Возмущенные шляхтичи требовали от Сигизмунда-Августа, чтобы он оставил Барбару Радзивилл.

– Пани Радзивилл, – кричали ему, – уже брачевалась со старым Гаштольдом, воеводой Трокая на Виленщине, так зачем королю вишни, уже надклеванные птицами?

Но король вдруг вырос надо всеми, непреклонный в своем решении:

– Я ведь не только ваш король, но еще и человек. Любовь каждого человека – дело совести и желаний его сердца. Так знайте: я безумно люблю эту женщину, и более не желаю вас слушать!

Люблинский воевода Тарло рвал на себе кунтуш:

– Сегодня она великая княгиня Литовская, а завтра ты назовешь ее польской королевой... Пересчитай мои рубцы и шрамы, король! Я сражался за вольности наши с татарами, с немцами, с московитами, когда тебя еще не было на этом свете. Так мне ли, старому воину, кланяться твоей паненке?

Сигизмунд-Август усмехнулся с высоты престола:

– Барбара достаточно умна и образованна, чтобы даже не замечать, когда ты не удостоишь ее поклоном...

Сейм расходился, и тогда с кроткой улыбкой к сыну подошла Бона Сфорца, сидевшая все время в ложе:

– Я уважаю твое чувство к женщине, победившей тебя, – сказала она, прослезясь. – Будь же так добр: навести меня с Барбарой. Я посмотрю на нее, и мы станем друзьями.

– Мы придем. Только снимите свой перстень...

Барбара, желая понравиться свекрови, украсила свою голову венком из ярких ягод красной калины – это был символ девственной и чистой любви. Бона расцеловала невестку:

– Как чудесны эти языческие прихоти древней сарматской жизни! Я начинаю верить, что ваша любовь к моему сыну чиста и непорочна, – усмехнулась Бона.

Стол был накрыт к угощению, в центре его лежала на золотом блюде жирная медвежья лапа, обжаренная в меду и в сливках. Но Барбара, предупрежденная мужем, всему предпочла только яблоко. Да, сегодня перстней на пальцах Боны не было. Она взяла нож, разрезая яблоко надвое, и при этом мило сказала:

– Разделим его в знак нашей дружбы...

Наследница заветов преступных Борджиа, она знала, какой стороной обернуть отравленный нож, чтобы самой не пострадать от яда. Бона Сфорца осталась здорова, съев свою половину яблока, а Барбара Радзивилл начала заживо разлагаться. Ее прекрасное лицо, уже сизобагровое, отвратительно разбухало, губы стали безобразно толстые; глаза лопнули и стекли по щекам, как содержимое расколотых куриных яиц... От женщины исходило невыносимое зловоние, но король не покинул ее до самой смерти и всю дорогу – от Кракова до Вильно – ехал верхом на лошади, сопровождая гроб с ее телом...

Отчаясь в жизни, Сигизмунд-Август бросился в омут пьянства и распутства; пьяный, он орал по ночам:

– Умру, и... кому достанется моя Польша?

Он окружил себя волхвами, колдуньями и магами; знаменитый алхимик и чародей пан Твардовский (этот польский Фауст) окуривал короля синим дымом, и тогда перед ним возникал дух Барбары... Отделясь от стены, она, лучезарная, тянула к нему руки и король, бросив чашу с вином, кидался навстречу женщине, а потом скреб пальцами стену:

– Не мучай! Приди... еще хоть раз! Вернись...

В минуту просветления он изгнал свою мать, и она, покинув Польшу, поселилась в итальянском городе Бари. Испанский король Филипп II сразу выклянчил у нее в долг 420 000 золотых дукатов на борьбу с «ересью». После этого, получив благословение папы, Бона Сфорца собралась греться на солнце до ста лет. Домашний доктор, грек Папагоди, веселый, красивый и молодой, однажды поднес ей бокал с лекарством для омоложения тела:

– Сегодня я приготовил для вас отличный декокт...

Это был декокт пополам с ядом. Узнав о смерти матери, Сигизмунд-Август умолял банкиров Фуггеров, чтобы вернули польские деньги, вложенные в их банк матерью. Фуггеры отрицали наличие вклада. Тогда он обратился к Филиппу II в Мадрид, чтобы тот, благородный Габсбург, вернул долги матери...

Король Испании даже не ответил королю Польши!

Иниго Лойола умер за год до смерти Боны Сфорца...

* * *

Королевна Анна Ягеллонка ехала из Кракова в свои владения. Скупно поджав морщинистые губы, она перебирала четки, изредка поглядывая в окно кареты. Вокруг было пусто и одичало. Где-то на дорогах Мазовии ей встретилось одинокое засохшее дерево. На его сучьях болтались два удавленника, а под деревом – с обрывком петли на шее – сидел босоногий монах с изможденным лицом.

– Слава Иисусу Сладчайшему! Моя веревка лопнула.

– Кто ты сам и кто эти повешенные люди?

– Мы не люди – мы псы господни. Нас послал великий Рим, дабы внушать страх еретикам, дабы содрогнулся мир безбожия и прозрели души, заблудшие во мраке лютеранской ереси.

Анна Ягеллонка догадалась, кто он такой:

– Ступай же далее путем праведным, в Варшаве для вас хватит дела, чтобы лаять на отступников божиих...

Так в Польше (Полонии), почти под боком Руси, появились первые иезуиты. Английский историк Маколей писал о них: «Они проникли из одной страны в другую, переодеваясь

самым различным образом, то под видом жизнерадостных рыцарей, то под видом простых крестьян, то в качестве пуританских проповедников. Их можно было обнаружить одетыми в платье (китайских) мандаринов... С чувством полного подчинения иезуит предоставлял своему начальнику самому решить, должен ли он жить на северном полюсе или под солнцем экватора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.